

Рассказывает автор акустических представлений
Наташа ПШЕНИЧНИКОВА

— Мы с Гариком, с Германом Виноградовым, очутились в этом странном месте... очень странном... где все было чем-то занято: ощущение муравейника. Оставалось два или три дня до открытия. Вначале нужно было найти себе место для выступления, потому что первое, что мы обнаружили, — что все места уже разобраны. Вся земля уже нарезана на маленькие клочки, и каждый свой этот клочок по-своему преобразует. Правда, спор почти не возникло. В «бункере» пять этажей, вниз. Использовался только верхний — шесть тысяч квадратных метров.

— Да, мы нашли себе длинный тупик, где был совсем низкий потолок, почти все время стоял туман, а сверху свисали самые настоящие сталактиты. Сбоку тянулся ров, метра два глубиной.

— Да, да, там постоянный туман, испарения, очень странный воздух, сырость, отсутствие вентиляции. Все работало с утра до вечера как одержимые. Топились печки, дрова были сыроватые, кто-то чуть не угорел.

— Материалов там почти не было. Огромные груды старых ящиков. Остатки памятника, прямо при входе. Краски — в довольно ограниченном количестве; кто что ухватит, правда, многие привезли с собой, делились, если было лишнее. Куски материи, черной бумаги. Основной материал — мусор, грязь, очищаемая творческим процессом.

— Вы представьте себе земляной пол, покрытый всякой дрянью: стеклом, камнями. И все это нужно вычистить вручную. А мы ведь с Гариком выступаем босиком. Я убрала весь пол, натаскала листьев. Осенних. На холме вокруг Сталина — дубовая роща.

— Что такое бикапо! Это вам лучше Гарика позвать и проин... проинтервьюировать, ведь это его идея.

— Насколько я воспринимаю, бикапо — это способ существования, который основывается на свободной вибрации. Каждая вещь, находясь в свободном состоянии, вибрирует. Если взять железку рукой, она не даст обертонов, а если ее подвесить... Привычный металлолом, вовсе не созданный для того, чтобы звучать, найдет свою точку свободы и станет музыкальным инструментом.

— Да, когда этот принцип переносишь на все существующее, получаешь способность переводить вещи и людей в состояние свободы, где они могут проявить свою истинную суть.

— Методика существует, но на невербальном уровне... Слова тут мало что просят. Для меня все началось в 77-м — 78-м годах, когда Сергей Бунтман ставил спектакль «Антигона». Глаза актеров были закрыты, и я определенной последовательностью звуков и тембров провоцировала их совершать одинаковые движения (при этом они друг друга не видели!), именно те, какие я хотела. Это было началом моих экспериментов. Есть явные соответствия между звуками и различными планами сознания, не только на медицинском или энергетическом уровнях, но и на уровне сверхдуховном...

— Звук, извлеченный особым образом, несет в себе тонкие и очень мощные преобразующие энергии. Мой принцип — использование минимума звуков и предельное очищение каждого из них. Когда звук становится сверхъестественным и самодостаточным, он переходит в иную ипостась. Перестает быть материалом, который часто при использовании превращают в обычную грязь.

— Любимый чистый, не смешанный с другими элемент всегда символичен. С другой стороны, если сознательно стремишься к символу, получается натянуто и претенциозно.

— Что бы я ни делала — а иногда во время акции люди пугаются, у них возникают тяжелые ассоциации, — впоследствии те, кто участвовал, в основном находятся в состоянии детской ра-

БИКАПО и мертвый Иосиф

ЛИТ. 243254-1991-8 (МНЭ (18) - С. 14)

Осенью прошлого года в Праге прошел фестиваль органического искусства «Тоталитарная зона». Независимая чешская организация «Фонд Линхарта» — она занимается поддержкой культуры андерграунда — выбрала для этой акции неожиданное помещение: руины грандиозного памятника И. В. Сталину. Это сооружение, по замыслу архитекторов, подчинявшее себе весь городской ландшафт, давно демонтировано; от него остался лишь постамент и огромный бункер, уходящий в глубь холма. Сюда, в подземелье, над которым некогда возвышался колоссальный идол отца народов, приехали двести художников и артистов — представителей нетрадиционного искусства стран Европы и Америки. Советский Союз представляли: группы «Н. О. М.» и «Последний шанс»; театр «Дерево»; Анатолий Жигалов и Наталья Абалакова; критик Артем Троицкий; Герман Виноградов и Наталья Пшеничникова (БИКАПО).

Удобнее всего вообразить, что разговор с Наташей Пшеничниковой записан на дохленький диктофон; отчетливо слышен лишь ее голос, вопросы же (кроме последнего, абсолютно некорректного и к тому же заданного не в меру развязным тоном) разобрать практически невозможно. Непонятно даже, сколько человек спрашивают: один? двое? пятеро? Да это, пожалуй, и не имеет значения. Из открытого окна доносятся шаги, лай собак. Заходящее солнце бьет Наташе в левую щеку.

дости. Для меня это чувство ценнее всего. Оно помнится очень долго.

— Сегодня я видела в метро «Сокольники» человека, очень странно одетого. Сначала думаешь, что он сумасшедший, или пьяный, или и то и другое вместе. Ушанка, шарфик, детская дудочка... Он делал то же, чем занимаюсь я, может, с чуть большим уклоном в юродство. Извлекал из дудочки звуки, какие ему хотелось извлекать, подпрыгивал, кувырчался прямо на полу... Через минуту он все-таки выдал себя: глаза у него смотрели совсем не так, как смотрят у пьяных и сумасшедших. Он проводил собственную акцию без всяких объявлений — и пространство вокруг него ощутили высветлялось. Для меня это был знак того, что люди разными путями, но начинают добираться до свободы творческого существования.

— Ну, что мы сделали в Праге... Света нет. Используется только живой огонь. Зажжена часть дубовых листьев: дым. Я хорошо вижу во тьме и заранее изучила пространство, по которому должна была пройти со звучащим объектом — коробкой камней. Но кто-то положил доску куда не надо, я ошиблась и, уже перейдя ров, потеряла направление и свалилась в него. Я не из-

дала ни звука. Рука и спина в крови — поверхностные ссадины. Никто ничего не заметил, включая Гарика, только мой будущий муж почувствовал, подбежал и вытаскил меня.

— Я, конечно, не стремилась к тому, чтобы пролилась кровь, но, поскольку это произошло, получилось символично. После этого для меня выступление приобрело особую интенсивность.

— Особенно говоря, выступление состоит из звуков: голос, камни, металл, вода, дерево...

— Тени.

— Все работы носили мистериальный характер некоего очищения. А наши с Гариком выступления вообще всегда на это направлены. На преобразование пространства и присутствующих людей.

— Ну хорошо, а можно воздействовать на людей в этом направлении без помощи специальных устройств! Не привлекая определенных звуков!

— Ну, на людей-то воздействовать можно как угодно. Только вопрос в том, что, если воздействие происходит без творческого соучастия человека — пусть оно даже благотворно, — на мой взгляд, оно не настолько ценно, чем когда человек сознательно втягивается в процесс.

ИНФЕРНАЛЬНЫЕ ПОВТОРЕНИЯ

Из цикла «Частные безумия вещей»

Владимир АРИСТОВ

Бункера стены
Крупными буквами
Вы перестукивались
Рыжая сбрита щетина на пальцах
Иероглифика факелов и кинжалов
Словно в берлинском метро
Древне-готические стены
И сквозь решетку — струна антенны.

И здесь в аду
Не отвечали вы на допросы.
Крупно-горбатыми буквами
Вы перешептывались:
Время!
Нам не пристало, Иосиф.
Адольф!
Еще не настало, Иосиф.
1990

ИЗ ПИСЬМА НА ВЛАНКЕ «ФОНДА ЛИНХАРТА»

Использовать памятник Сталину для фестиваля «Тоталитарная зона» нам разрешил народный комитет Седьмого района Праги...

В декабре прошли выборы, и комитет Праги-7, избранный после революции, полностью сменился... До нас дошел слух, что разрешение прежнего комитета теперь недействительно. Мы навели справки; оказалось, ситуация загадочная.

Существует некий закон — отменен он или нет, никто не знает точно, — по которому крупные сооружения выводятся из юрисдикции местных комитетов, таких, как Прага-7, и передаются в ведение городского. Так кому же принадлежит памятник Сталину?

...Уже не первую неделю мы составляем прошения, пытаемся собрать документы и средства, нужные, чтобы убедить властей предрешающих сохранить памятник для культуры. Борьба предстоит тяжелая, и основной вопрос тут, сами понимаете, финансовый...

Но унывать все-таки не стоит! Если у вас останется время или творческая энергия, вспомните о нас...

Фото [Сергея САВЧЕНКО, Томаса ЖИКИ]

Материал подготовил Борис КУЗЬМИНСКИЙ